

ЗАХАРОВ Т.В.¹ К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОСНОВЕ УСТАВА ООН (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены взгляды российских теоретиков международного права на современное состояние системы международной безопасности и направления ее развития. Рассматривается право ООН как основа международной безопасности, в частности, в ее юридическом аспекте, а также добросовестность государств как базовое условие ее эффективности.

В обзоре представлен особый взгляд зарубежных ученых на роль государства в системе международной безопасности, на использование международных органов по разрешению споров.

Ключевые слова: международное право; поддержание международного мира и безопасности; система международной безопасности; национальная безопасность; изменение климата.

ZAKHAROV T.V. On the issue of the international security system based on the UN Charter (Review)

Abstract. The review presents the positions of Russian international law theorists on the current state of the international security system and the directions of its development. The UN law is considered as the basis of international security, in particular, in its legal aspect, as well as the good faith of states as a basic condition for its effectiveness.

The review presents a special view of foreign scientists on the role of the state in the international security system, on the use of international dispute resolution bodies.

Keywords: international law; maintenance of international peace and security; international security system; national security; climate change

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правопедия ИНИОН РАН.

Для цитирования: Захаров Т.В. К вопросу о системе международной безопасности на основе Устава ООН (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2026. – № 1. – С. 172–181. – DOI:10.31249/iajpravo/2026.11.

Введение

Современные проблемы международной безопасности остро сопряжены и взаимосвязаны с проблемами мира и обеспеченности правомерных действий государств – участников международной системы – нормами международного права¹.

Журнал «Вестник экономической безопасности» издательства Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя опубликовал две статьи: в 2024 г. (статья Р.А. Каламкаряна и Е.В. Мигачевой) и 2025 г. (статья С.А. Лобанова и Я.Д. Сурхаевой), объединенные сложной темой обеспечения международного мира и безопасности.

Авторы данных статей последовательно рассматривают построение (теоретической) модели системы международной безопасности на основе современного международного права и направления ее развития. Терминология, используемая авторами, отражает сложный подход к определению угроз международному миру и безопасности. Внесение изменений в эту терминологию влечет неминуемое изменение в толковании теоретической конструкции, так как предполагаемое условие международно-правового дискурса требует восприятия применяемых авторами терминологических конструкций в авторском варианте.

Роль международного права в формировании современного миропорядка

Р.А. Каламкарян, доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, и Е.В. Мигачева, доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета, рассматривают в своей статье целостность системы права ООН как основы обеспечения международного мира и безопасности. Они отмечают

¹ См.: п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.06.2021 № 400.

связь состояний международной системы и системы международного права. «Международно-правовое строительство современного миропорядка в режиме верховенства права по обстоятельствам объективной констатации сопряжено, считают авторы, с поддержанием целостности системы международного права» [1, с. 89]

Р.А. Каламкарян и Е.В. Мигачева обращают внимание на *позитив права в миропорядке*, выражающийся в его потенциале в решении целой последовательности стоящих перед мировым обществом задач. «Показательный позитив права по факту международно-правового строительства современного миропорядка обозначен глобальным партнерством в целях развития; борьбой с транснациональной преступностью; системой применения силы на основании Устава ООН; укреплением Международного суда с целью обеспечения правосудия и верховенства права в международных делах; уважением прав человека и основных свобод для всех без каких-либо различий по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных воззрений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или другого статуса; поддержанием международного мира и безопасности в рамках ООН; соблюдением принципа верховенства права как в международных, так и во внутренних делах; обеспечением воплощения государствами – членами ООН решений Международного суда по любым делам, сторонами которых они являются; повышением эффективности ООН в деле поддержания международного мира и безопасности; укреплением сотрудничества между ООН и региональными организациями в соответствии с предписаниями главы VIII Устава ООН; содействием мирному разрешению споров; проведением последовательной борьбы с терроризмом; осуществлением скоординированного, последовательного, комплексного подхода к постконфликтному миростроительству и примирению в целях достижения устойчивого мира» [1, с. 89–90].

Система права ООН как основа международного мира и безопасности

Основой миропорядка выступает система права ООН. В том случае, если государства признают международные обязательства в соответствии с Уставом ООН, нормы устава становятся нормами прямого действия в отношении членов ООН. Это относится и к целям, закрепленным в Уставе ООН, отмечают Р.А. Каламкарян и

Е.В. Мигачева. Таким образом обеспечивается целостность системы и потенциал в ее адаптации в решении ставящихся задач.

Устав ООН закладывает в том числе систему международной безопасности – также в «режиме востребованности» ее прямого (юридического) действия. Система представляется не только в категориях «международный мир», «безопасность», «дружественные отношения», но и в принципах ее организации – «суверенное равенство государств», «равноправие и самоопределение народов», «добросовестное выполнение международных обязательств», «невмешательство во внутренние дела», в свою очередь также являющихся юридическими категориями системы прямого действия. *Позитив* Устава ООН в том, что он закладывает «юридические параметры» применения силы в международной системе, считают Р.А. Каламкарян и Е.В. Мигачева. Они также выделяют такие документы, как Декларация тысячелетия ООН 2000 г. и Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. [1, с. 90–91].

Доктор юридических наук, заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК МГИМО (университет) МИД России С.А. Лобанов и соискатель той же кафедры Я.Д. Сурхаева считают, что система права ООН «предметно позиционирована на поддержание международного мира и безопасности» [2, с. 96–97]. Они рассматривают систему международной безопасности на основе Устава ООН и цели внешней политики Российской Федерации.

Система ООН представлена авторами в (юридических) категориях «мир и безопасность», «развитие и права человека», также имеющих прямое (юридическое) действие. Реализация в системе международной безопасности права, основанного на таких категориях «согласно целям и принципам Устава ООН», обеспечивает решение всего комплекса задач, стоящих перед международным сообществом [там же]. Р.А. Каламкарян и Е.В. Мигачева также полагают, что «в конечном, результативном, итоге весь потенциал международно-правового строительства современного миропорядка показательно направлен на всестороннее соблюдение всего корпуса предписаний прямого юридического действия согласно Уставу Организации Объединенных Наций» [1, с. 91–92].

Роль государства в системе международной безопасности

Особую теоретическую модель развития системы международной безопасности представляет бывший директор отдела управления и инклюзивных институтов и бывший заместитель Ге-

нерального юрисконсульта Всемирного банка Х. Сиссе, в статье, опубликованной Гарвардском журнале международного права (Harvard International Law Journal) в 2025 г. Современный контекст глобального управления автор видит в растущей взаимозависимости и общей уязвимости [4, р. 407]. Право вето постоянных членов Совета Безопасности ООН неоднократно использовалось для приостановления действий по важнейшим вопросам, имеющим глобальные последствия [4, р. 408]. Сбоем в этой системе является фрагментарность глобального управления здравоохранением, которая стала очевидной во время пандемии COVID-19. Выход США из Всемирной организации здравоохранения поставит вопрос о том, будет ли система глобального управления здравоохранением опираться на страны-спонсоры [4, р. 412].

Почти невероятные разрушения, вызванные двумя тотальными войнами, создали глобальные системы, которые помогают определять нынешний мировой порядок. Однако ждать, пока еще одно крупное глобальное потрясение приведет к необходимым радикальным изменениям, нецелесообразно. Время ограничено, и не только потому что надвигающиеся климатические катастрофы могут быть настолько масштабными, что принимать ответные меры станет слишком поздно. Кризисы, связанные с конфликтами, ухудшением состояния окружающей среды и пандемиями, уже наступили. Зачем ждать новых войн, которые еще больше изменят геополитический ландшафт, или очередного крупного глобального кризиса в области здравоохранения, которые кажутся неизбежными, учитывая неослабевающее давление человечества на другие формы жизни и природные ресурсы? – задается вопросом Х. Сиссе [4, р. 422].

Наиболее фундаментальным стимулом для системной трансформации нынешнего мирового порядка Х. Сиссе называет эволюцию американского участия в этом порядке. Данную эволюцию он рассматривает как последовательный отход США от лидерства в международной системе и, в дальнейшем, выход из этой системы и противопоставление ей собственной национальной политики [4, р. 423].

Переосмысленная система глобального управления должна быть легко адаптируемой и самообучающейся системой, основанной на общих ценностях, принципах и нормах, которые отражают как чаяния, так и реалии большинства людей во всем мире. Общими ценностями и принципами должны быть следующие: равноправие и справедливая представленность; устойчивость и управле-

ние; инклюзивность и солидарность; справедливость и подотчетность; инновационность и адаптивность. Такие принципы, которые в значительной степени отражены в Целях устойчивого развития ООН, теперь также должны быть закреплены в новой архитектуре глобального управления, причем не как пустые слова, а как структурная реальность. Инновации и адаптивность означают, что в быстро развивающемся мире системы глобального управления должны быть способны быстро приспосабливаться к новым реалиям, что включает в себя внесение гибкости в уставы международных организаций [4, p. 424–425].

Желательные компоненты для новой архитектуры глобального управления, по мнению Х. Сиссе, следующие: 1) мир должен перейти к системе наднационального управления, разделенной по темам и / или регионам; 2) переосмысленная система глобального управления также должна развивать системы принятия решений, основанные на многополярности и распределении полномочий; 3) внести существенные изменения в уставы существующих международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, МВФ, Всемирный банк и ВТО (или создать новые организации вместо них), чтобы лучше отражать сегодняшние политические и экономические устремления и реалии, а также обеспечить у этих институтов мандат, средства и полномочия для решения проблем XXI в.; 4) встроенные механизмы участия негосударственных субъектов, включая организации гражданского общества (которые могут быть организованы на глобальном и региональном уровнях), частный сектор и группы коренного населения. Архитектура глобального управления также должна иметь механизмы принуждения, которые не зависели бы исключительно от интересов нескольких влиятельных субъектов в ущерб интересам многих; 5) парадигма экономического развития, основанная на европейском и североамериканском экономическом мышлении и модели роста, должна быть заменена моделями, отражающими ценности, потребности и опыт других стран и континентов [4, p. 426–427].

Юридический аспект в системе международной безопасности

Одним из проявлений системы международной безопасности называется «юридическая безопасность», которая рассматривается как совокупность прав и законных интересов государств. С.А. Лобанов и Я.Д. Сурхаева отмечают *позитив* в правомерном «юридически значимом» поведении государства (когда оно не на-

рушает права и законные интересы других государств). «При обстоятельствах, когда нарушение права, равно как злоупотребление правом представляются неприемлемыми с точки зрения добросовестного выполнения государствами своих международных обязательств, юридически значимое правомерное поведение государств образует собой юридическую основу системы коллективной безопасности на пространстве всего мирового сообщества в целом», – говорят авторы [2, с. 96].

Такое качество, как «целостность» системы международной безопасности, обеспечивается общим пониманием государствами стоящих перед ней задач. С.А. Лобанов и Я.Д. Сухарева говорят о «консенсусе» в отношении угроз международному сообществу как юридической основе устранения их причин. Практическая реализация такого консенсуса – устранение угрозы, рассматривается ими как «конечный юридический результат правомерного юридически значимого поведения государств» [2, с. 96–97; см. также: 1, с. 91]. В условиях, когда государства взаимно реализуют общую (позитивную) ответственность поддержания международной безопасности, проявляется основа развития системы безопасности в «режиме равнозначной юридической безопасности всего субъектного состава системы международных правоотношений» [2, с. 96–97]. В этом же, как представляется, проявляется юридическая основа юстиции в международной системе.

Добросовестное участие государства в системе международной безопасности

Система международной безопасности рассматривается как «коллективная». Ее эффективность прямо зависит от вклада государств в ее реализацию. Р.А. Каламкарян и Е.В. Мигачева говорят о «слаженности» в действиях государств как части их должного поведения. Требование действовать слаженно они рассматривают как «предписание прямого юридического воздействия». Приверженность целям Устава ООН показательно реализуется во вкладе государства в обеспечение мира и безопасности, в разрешение международных споров [1, с. 91]. Показательны также нарушения государствами международного права, нарушения ими прав и законных интересов других государств.

По мнению С.А. Лобанова и Я.Д. Сухаревой, сама логика потребности в целостной системе международного права, взаимозависимости современного мира диктует значимость выполнения

государствами международных обязательств на основе принципа добросовестности *bona fides* [2, с. 96]. Система международной безопасности, опирающаяся на эффективное сотрудничество государств, дает позитивный (созидательный) импульс взаимосвязанности мирового сообщества. Юридический интерес государства сопряжен с юридическим интересом мирового сообщества. Система такого рода позволяет приблизиться к пониманию акта юстиции в международной системе – разрешения споров между государствами не просто мирными средствами, но посредством вынесения судебным органом ООН обязательного для сторон решения (*res judicata*) [2, с. 97].

С иной стороны на международное правосудие смотрят Д. Голдензиел, профессор Национального университета обороны – Колледжа информации и киберпространства (США), Ш. Блочбергер и Т. Грэнхолм, исследователи Юридического факультета Виргинского университета (University of Virginia School of Law) (США) в статье «Оружие слабых: законность и государственная власть в Международном суде ООН» [5]. С их точки зрения, правовые средства, используемые государствами, следует рассматривать как целенаправленное использование закона для достижения стратегической, оперативной или тактической цели против конкретного противника, или для укрепления легитимности собственных стратегических, оперативных или тактических целей, или для подрыва легитимности действий противника [5, р. 573].

Авторы предполагают, что государства будут передавать споры в Международный суд ООН для достижения целей, которых они не могут достичь иным военным путем. Судебные иски в Международный суд могут быть своего рода инструментальным средством правовой защиты, использующим закон для достижения военной цели, которая в противном случае могла бы быть достигнута с помощью насилия [5, р. 573]. Если Международный суд является нейтральным арбитром, государства, имеющие асимметричное преимущество на поле боя или в стратегической конкуренции, скорее всего будут вести споры в зале суда [5, р. 573].

Д. Голдензиел, Ш. Блочбергер и Т. Грэнхолм анализируют политологические исследования условий, при которых государства выбирают международные механизмы разрешения споров, которые показывают, что государства, равные с юридической, военной или экономической точек зрения, с наибольшей вероятностью окажутся в зале суда. Так, демократические страны, лидеры которых стремятся использовать орган по разрешению споров в каче-

стве внутривластного прикрытия того, что может привести к неблагоприятному исходу урегулирования спора, с наибольшей вероятностью будут представлять споры на рассмотрение [5, р. 573]. Государства с большей вероятностью будут передавать споры в международные суды, когда юридическая сила их аргументов ненамного превосходит аргументы их оппонентов [5, р. 573–574].

Обращение к правовому урегулированию территориальных споров наиболее вероятно в тех случаях, когда две стороны относительно равны по военной мощи. Лидеры государств с меньшей вероятностью прибегнут к международным органам по разрешению споров для урегулирования территориальных споров, когда одна из сторон имеет явное военное преимущество [5, р. 574].

Заключение

Определение направлений развития системы международной безопасности зависит от понимания международной системы. Разность в подходах, представленных в обзоре российских и зарубежных («западных») авторов к положению в международной системе государства и его влиянию на международные механизмы, отражается в акцентах их внимания. Так, в пределах конструкции права ООН Р.А. Каламкарян и Е.В. Мигачева выделяют потребности миротворческих операций ООН, наращивание их потенциала. Применение санкций в международной системе «вне включенности факторы силы» требует осмысления с позиции их влияния на государство и их население, а также предметной направленности [1, с. 91–92].

Примечателен в этом отношении тезис С.А. Лобанова и Я.Д. Сурхаева об ответственности за развитие системы международной безопасности. Система, в основе которой лежит международное право, показательна юридической ответственностью государств содействовать безопасности [2, с. 97].

Х. Сиссе высказал в своей статье тезис, что неспособность действовать решительно, основываясь на международном праве и коллективных интересах, в отличие от предполагаемых краткосрочных интересов отдельных стран, подрывает легитимность и эффективность Организации Объединенных Наций в целом [4, р. 408]. Тем не менее в качестве контраргумента можно выделить гипотезу, данную в статье Р.А. Каламкаряна и Е.В. Мигачевой о том, что «Современный миропорядок как воплощение целостности

системы международного права позиционирован в параметрах отсутствия пробельности, способностью судебных органов международного правосудия осуществлять урегулирование международных споров через суд на основе права и справедливости, обеспечения неотвратимости наказания в части процесса международного уголовного правосудия в отношении всего круга международных преступлений, поддержания универсальной международной безопасности на основе Устава ООН» [1, с. 89]. Многосторонний подход в решении общих задач международного сообщества напрямую зависит от наличия у государств общих ценностей и общей ответственности за состояние международной системы.

Список литературы

1. Каламкарян Р.А., Мигачева Е.В. Целостность системы права ООН как основа последовательного внешнеполитического курса Российской Федерации на обеспечение международного мира и безопасности // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 5. – С. 89–93.
2. Лобанов С.А., Сурхаева Я.Д. Универсальная международная безопасность на основе Устава ООН как реализация установочных целей внешней политики Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 95–100.
3. Шинкарецкая Г.Г. Повышение уровня мирового океана и защита населения угрожаемых районов // Труды Института государства и права РАН. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 109–136.
4. Cisse H. Global Governance at a Crossroads: Incremental Reform or Fundamental Transformation? // Harvard International Law Journal. – 2025. – Vol. 66. – P. 401–429.
5. Goldenziel J., Blochberger S., Granholm T. Weapon of the Weak: Lawfare and State Power in the International Court of Justice // Harvard International Law Journal. – 2025. – Vol. 66. – P. 563–631.